

Мой ответ, кажется, удивил Янь Куншаня; он тупо моргает, смотря на меня, затем убирает руку с моего подбородка.

- Я не это имел в виду.

Между его бровями появляется нотка раздражения.

- Просто я надеюсь, что ты тщательно обдумываешь свои решения, прежде чем их принимать, а не действуешь импульсивно. С кем ты хочешь иметь отношения - это твоя свобода, я не имею права сердиться из-за этого.

Сейчас ты выглядел сердитым...

Но сейчас у меня не хватает смелости наброситься на него, поэтому я позволил своему тону ослабнуть.

- Да, я знаю. Ты просто думаешь обо мне.

Я поднимаю три пальца правой руки и клянусь:

- Обещаю, что в будущем я не буду так шутить с людьми.

Мой голос нарочито выверен, чтобы звучать искренне.

Возможно, моя искренность доходит до него, потому что его брови расслабляются, хотя след холода все еще сохраняется.

Он издает простой, низкий звук признания и больше ничего не говорит.

Когда напряжение между нами исчезает, другие вещи - более прекрасные вещи - которые раньше оставались незамеченными, дают о себе знать. Они вплетаются в наши с Янь Куншанем тела, обволакивая нас паутиной, которая, кажется, соединяет нас двоих так, что каждое мельчайшее изменение между нами становится общим.

Частицы пыли и дыма, смешиваясь в воздухе, насыщенном летней влажностью, сливаются воедино и образуют мистическую, соблазнительную атмосферу. Она топит меня, делает так, что каждый мой вдох обжигает жаром.

Тишина, окружающая нас, настолько преобладает, что заставляет меня напрячься.

Я чувствую, что мне нужно что-то сказать.

- Могу я пойти к тебе домой сегодня вечером?

Адамово яблоко Янь Куншаня покачивается вверх-вниз. Он сохраняет свою угнетающую позу, не показывая никаких признаков того, что собирается двигаться.

- Разве ты уже не обещал Цюцю?

Я сжимаю руки в кулаки, ковыряясь в твердых краях ногтей, мое сердце почему-то становится все более взволнованным.

Трудно определить, является ли мое беспокойство следствием того, что я не могу видеть индекс настроения Янь Куншаня, или же это результат любовной атмосферы между нами. Мне даже трудно определить, как следует называть стук моего сердца: «сердцебиением» или «трепетанием».

- Да, - удастся мне.

Я не могу удержаться и опускаю голову, не в силах посмотреть ему в лицо.

Проходит еще несколько мгновений молчания, затем рука рядом со мной отступает, и Янь Куншаня делает шаг в сторону.

- Я ухожу.

Его голос шелковистый и хриплый.

Его шаги постепенно удаляются вдаль. Дверь склада открывается, и он выходит.

Я сползаю по стене вниз, пока не оказываюсь на полу, и прижимаю тыльную сторону ладони к горящему лицу; кажется, даже глаза горят. Я не покидал склад до тех пор, пока немного не успокоился и жар не сошел с моих щек. За ужином дедушка вдруг сообщает мне, что папа приезжает на выходные.

Я запихиваю в рот последний кусочек риса и овощей, все время думая о том, что хорошо, что дедушка сказал мне об этом в конце ужина, иначе у меня вообще не было бы аппетита есть.

Мои отношения с папой... сложные. Если Фу Вэя и его отца можно назвать странной парой отец-сын, то меня и моего отца можно назвать странными.

Мы никогда не общались много, пока я рос, и между нами определенно не было тепла. Он регулярно интересовался моими оценками, чтобы показать, что беспокоится обо мне, но он

никогда не знал, в какой школе я учусь и в каком классе.

Он всегда был погружен в свою работу; всем нам – его жене, сыну, родителям - приходилось освобождать для него место. Идеал жизни среднего человека – иметь счастливую семью, но я подозреваю, что конечной целью моего отца всегда было забраться как можно выше.

Он никогда не заботился о семье. Когда мама решила развестись с ним, он не выглядел таким уж расстроенным из-за этого. Я часто думаю, что он, вероятно, считает такой исход лучшим для себя. Без бремени семьи он может бросить все силы на работу.

После развода родителей я редко видела его. На самом деле, я не видела его около двух лет. Новость о его предстоящем приезде пришла совершенно неожиданно.

Не все знают, как общаться с собственными родителями.

Я положил палочки для еды.

- Дедушка, а почему бабушка тогда так часто ругалась с папой?

- Что ты имеешь в виду?

Дедушка перестал жевать курицу.

- Вы и папа. Вы уже отдалились друг от друга, когда я был маленьким, мама мне рассказывала.

Дедушка продолжает есть куриную ножку, делая вид, что не слышит меня. Хотя, если честно, он действительно мог меня не слышать. Но прежде чем я успеваю повторить, он доедает курицу, выплевывает кости и встает, чтобы убрать со стола.

- Остров не может удержать тех, у кого взбалмошное сердце. Сердце А Чжэня никогда не было здесь. Твоя бабушка и слышать об этом не хотела и требовала, чтобы он остался. Они начали ссориться из-за этого. Один считал, что другой не проявляет сыновней заботы. А другой считал, что им эмоционально манипулируют. И в гневе твоя бабушка решила разорвать отношения с сыном.

- Тогда папа, должно быть, унаследовал бабушкин характер.

Я помогаю дедушке убрать со стола, высыпая остатки еды в мусорное ведро.

- Я не думаю, что все закончилось бы так плохо, если бы у них был твой характер. Я гораздо больше похож на тебя.

Дедушка начинает хихикать, потом резко обрывает себя.

- Эй, как ты можешь так говорить о своей бабушке? - наставляет он меня.

- Она просто прекрасна такой, какая она есть, поспеши извиниться перед ней.

- Хм.

Я даю тарелкам отмокнуть в воде и складываю руки вместе, вознося молитву к небу.

- Бабушка, не сердись, я просто говорил глупости.

После того как с посудой покончено, дедушка разрезает огромный арбуз, который мы получили от Сунь Жуя, затем заворачивает одну половину и говорит мне принести его в соседнюю комнату.

Черные семечки усеивают аппетитную мякоть плода, источая свежий сладкий аромат. Послав дедушке яркое и четкое приветствие, я хватаю половинку арбуза и выхожу на улицу.

Арбуз, только что из холодильника, в моих руках ледяной, пальцы немеют. Когда Янь Куншань открывает дверь, я тут же сую арбуз ему в лицо.

- Быстрее, пока он холодный!

Он замирает на минуту, затем берет его у меня.

- Спасибо.

Я бросаю ему улыбку и захожу в дверь.

- Мянью Мянью, поторопись!

Янь Ванью уже ждет меня перед телевизором. Увидев меня, она похлопывает по сиденью рядом с собой, приглашая меня сесть.

Я сажусь, скрестив ноги, и, когда она протягивает мне игровой контроллер, спрашиваю:

- Во что мы сегодня играем?

- В гонки на машинах!

Игра открывается, мы выбираем своих персонажей, а затем вдвоем начинаем сражаться за драгоценное место на троне. После одного раунда Янь Куншаня приносит тарелку со свежим нарезанным арбузом и ставит ее между нами. Арбузные семечки уже были выловлены, а для удобства поедания были предусмотрены зубочистки. Несмотря на то, что я знаю, что, скорее всего, он сделал это ради Янь Ванцю, это все равно трогает меня. Это похоже на... заботу.

Сладость арбуза отражает чувства в моем сердце.

Поскольку Янь Ванцю давно не играла со мной, она немного перебарщивает и к десяти вечера все еще не собирается останавливаться. В итоге она даже цепляется за мою ногу и просит меня не возвращаться домой, а переночевать у нее, предлагая мне половину своей кровати.

-...В этом нет необходимости, - говорю я ей.

Я бы предпочел спать в кровати А-Шаня, знаете ли.

- Если ты и дальше будешь отказываться ложиться спать, я лишу тебя привилегий в играх. Янь Куншаня игнорирует мольбы девушки, поднимает ее с пола и несет наверх.

- Тогда вы будете тайно играть за моей спиной?

- Когда ты видел, чтобы мы играли за твоей спиной?

- А ты нет? - с сомнением спросила Янь Ванцю.

- А чем вы тогда занимаетесь после того, как я сплю?

Застигнутый врасплох, Янь Куншань не сразу отвечает. В конце концов, он жестко сказал:

- Читаю.

- Звучит скучно...

Я смотрю им вслед, когда они уходят, и ем арбуз.

«Когда ты бодрствуешь, я играю с тобой», - думаю я про себя.

И вдруг я замираю, арбуз все еще во рту. Знакомые цифры над головой Янь Куншаня

вернулись. Я выпрямляюсь и почти бегу к нему, но потом беру себя в руки и беру телефон, чтобы проверить время.

Вчера мы двое поцеловались примерно в это время. Значит... один поцелуй избавляет от индекса настроения на 24 часа?

Серьезно, он настолько пунктуален?

Я проглатываю арбуз во рту и вытираю руки салфеткой.

Кто контролирует такое точное время? Мой собственный мозг?

Люди действительно загадочный вид. Кажется, что это я контролирую свое тело, и все же каким-то образом может оказаться, что это мое тело контролирует мои мысли, мои слова и действия...

Я вообще сам по себе?

Внезапный холодок пробегает по моим плечам. Я быстро качаю головой, решив, что лучше не размышлять на столь глубокую тему.

Сожаление наполняет меня, заставляя вздохнуть. Я должен был выбрать профессию врача.

Внезапно мне захотелось в туалет - вероятно, из-за арбуза. Когда я опорожнил мочевой пузырь, вымыл руки и вышел из ванной, Янь Куншань уже спустился вниз.

Он нагибается, подбирает с земли пустые тарелки и ставит их на стол, затем снова спускается за игровыми контроллерами. Белый цвет его индекса настроения ярко горит над головой, как будто он вообще никуда не исчезал.

Когда я приближаюсь к нему, я начинаю ступать тихо. Между журнальным столиком и телевизором лежит короткий ковер, на котором мы с Янь Ваньцю всегда сидим, когда играем в игры. Плюшевый и мягкий, при ходьбе по нему почти не слышно шагов.

Но каким бы тихим я ни был, он все равно способен почувствовать, когда кто-то приближается.

Янь Куншань делает паузу в уборке и смотрит в мою сторону. Просто смотрит и молчит. Ни его индекс настроения, ни его лицо не показывают никакого шока; как будто он уже знает, что я собираюсь сделать.

Медленно я опускаюсь на колени, пока мои колени не оказываются на ковре. Его глаза

следуют за моими движениями вниз, пока мы оба не смотрим друг на друга на уровне глаз.

После долгого, продолжительного раздумья я, наконец, спрашиваю:

- Эм... можно тебя поцеловать?

Его взгляд опускается к моим губам, ресницы загибаются вниз над его глазами, что мешает понять, о чем он думает. Все, что я знаю, это то, что я уверена, что его зрачки потемнели на несколько тонов.

- Я уже сказал тебе, ты можешь делать все, что...

Он внезапно прерывается, слова исчезают в воздухе на середине предложения. В спешке я целую его до того, как он закончит говорить.

Опираясь руками на пол, я наклоняюсь к нему и осторожно проникаю кончиком языка в его рот, даю ему быстрый щелчок и тут же отступаю.

Этого должно быть достаточно.

Я собираюсь проверить индекс его настроения, но прежде чем я успеваю выпрямиться, большая ладонь оказывается у меня за головой и крепко фиксирует ее. Пальцы проникают в пряди моих волос, массируя кожу головы, и одним толчком мой рот снова оказывается во власти чужих губ.

<http://bllate.org/book/12676/1122979>